

Сюй Цяо, разумеется, не оставила маленькому лисенку ни единого шанса отказаться от лекарства. Парой ловких и решительных движений она насильно влила горький отвар ему в рот.

Ну вот, дело сделано. Теперь можно спокойно отправляться на утреннюю аудиенцию.

Что касается дел государственных, то здесь одно неверное движение может привести в движение весь механизм. Сын цензора, совершивший неслыханное святотатство и посмеявшийся плести интриги против императора, уже был сослан в Линнань. Из-за этого все, кто прежде поддерживал связи с домом цензора, в спешке принялись отрешиваться от любых отношений с опальной семьей.

В зале Циньчжэн выступил один престарелый сановник:

— Ваше Величество, при обыске в доме цензора необходимо докопаться до самой сути. Раз уж начали расследование, его нужно довести до конца.

Как только эти слова прозвучали, несколько человек в зале заметно занервничали. Если начать досконально проверять всех, кто поддерживал тесные связи с опальным чиновником, то под удар попадет добрая половина двора. К чему сеять панику и лишать людей покоя?

Сидя на широком троне, Сюй Цяо невозмутимо и лениво прищурила ясные глаза, храня молчание. В зале воцарилась тишина. Чиновники не могли угадать намерений императрицы и то и дело утирали пот со лба. Глядя снизу вверх, они видели, как она, облаченная в длинное платье цвета глубокой туши, небрежно закинула ногу на ногу, выглядя при этом расслабленной и безмятежной.

Все они прекрасно понимали: с тех пор как Сюй Цяо взошла на престол, никто извне не смел посягнуть на границы империи, а внутри страны не было места смуте. Единственной проблемой оставались наглецы, которые по своей глупости осмеливались бросать ей вызов. История с домом цензора стала для всех наглядным уроком.

Помолчав некоторое время, Сюй Цяо лениво окинула взглядом своих подданных. Каждое их слово, каждый жест были у нее как на ладони. Впрочем, она не собиралась сводить с ними счеты — не стоило того. Ее изящные алые губы тронула легкая, едва заметная усмешка.

— Что ж, проводите расследование.

Едва слова правительницы, возвышающейся над тысячами, стихли, как несколько человек внизу, дрожа, рухнули на колени, моля о пощаде. Лучше признаться во всем добровольно и вымолить прощение, чем быть уличенным самой императрицей и довести дело до катастрофы.

— Ваше Величество, помилуйте!

— Ваше Величество, помилуйте!

Тьфу, какая слабая выдержка. Она ведь просто обронила фразу, не более. Сюй Цяо с равнодушным видом подперла голову рукой, с холодным безразличием наблюдая за этим представлением.

Стоявшие в первых рядах регент и первый министр обменялись взглядами, но также не проронили ни слова. Их императрица всегда знала, чего хочет, и заранее все просчитала. Им не нужно было ломать голову.

На троне Сюй Цяо сверкнула своими яркими, как персиковые цветы, глазами. Глядя на то, как чиновники продолжают бить поклоны, она почувствовала усталость. Неужели нельзя придумать какой-нибудь новый способ мольбы?

Ее губы искривились в холодной усмешке, а голос прозвучал легко и небрежно:

— Довольно, перестаньте кланяться.

Она лениво откинулась на спинку трона, с видом полного разочарования глядя на них:

— Вы можете предложить мне хоть что-то новое?

Стоявшие на коленях люди дрожали, не смея произнести ни слова. Священную волю правителя постичь трудно, и они боялись лишний раз раскрыть рот. И тут сверху, с высокого трона, донеслось пренебрежительное замечание:

— Вы даже просить о пощаде не умеете. Ну скажите, на что вы вообще годитесь?

Один из чиновников, набравшись смелости, спросил:

— Мы невежественны, Ваше Величество, просим вас указать нам путь.

Хм, нашелся-таки один, не совсем безнадежный. Сюй Цяо чуть прищурила свои прекрасные глаза, уголки губ приподнялись в ленивой улыбке:

— Дорогие мои сановники, на Цзяннань обрушились снежные бури, и до меня дошли слухи, что кое-кто набивает карманы, присваивая средства, предназначенные для помощи пострадавшим...

Как только это было сказано, даже дурак понял намек. Чиновники поспешили заверить ее в своей преданности:

— Мы готовы служить Вашему Величеству верой и правдой и искупить свою вину!

По залу пронесся гул, за ним последовали новые поклоны:

— Хотя казна еще не пуста, я готов проявить щедрость и передать все свои средства на помощь пострадавшим!

— Да здравствует Ваше Величество! Ваша мудрость безгранична!

<http://bllate.org/book/18905/1848465>